

АКСИОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ

В статье проблема ценности обсуждается с позиции разных подходов, существующих в философии, психологии, социологии, культурологии и лингвистике. Рассматривается языковой статус категорий ценности и оценки. Исследуется выражение аксиологических смыслов в языке, поскольку язык как феномен культуры фиксирует и отражает как систему ценностей, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры.

Ключевые слова: аксиология, ценность, оценка, предикат, язык.

Понятие ценности является одним из основных, определяющих сущность Человека, а система ценностей является атрибутом человеческого сознания и определяет его деятельность. В процессе своей когнитивной деятельности, связанной с образованием системы смыслов (концептов), информирующих об актуальном или возможном положении вещей в мире, познающий субъект выступает как лицо активное, деятельное, следовательно, его деятельность не может не сопровождаться эмоциональным и оценивающим восприятием действительности (Ср. высказывание Ф. Ницше: «Человек сперва вкладывал ценности в вещи, чтобы сохранить себя, – он создал сперва смысл вещам, человеческий смысл! Поэтому называет он себя человеком, т.е. оценивающим» [9, 42]). История исследования сложных взаимоотношений человека с внешним миром ставит ценность и оценку в ранг одних из основополагающих категорий сознания индивида. Неудивительно поэтому, что специалисты разных областей гуманитарного знания: философы и психологи, педагоги и социологи, лингвисты и специалисты по теории информации – занимались изучением данных ментальных феноменов с самых разных существующих в науке позиций и подходов. Особенно интенсивно проблема ценности и оценки обсуждалась в философских науках (в аксиологии, гносеологии, логике, этике, эстетике), в некоторых из них ценность и оценка выступают как базовые научные категории, рядопологаясь «отражению» и «познанию».

В первую очередь определим ключевое понятие «ценность». Учение о ценностях связано с именами таких выдающихся мыслителей и гуманистов, как А. Швейцер, М. Ганди,

Б. Рассел, А. Эйнштейн, Дж. Сантаяна, Х. Ортега-и-Гассет, П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Лосский, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Карсавин, Н. Федоров и др.

В самом общем смысле «под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д.» [5, 25].

В философии ценности трактуются неоднозначно (обзор см. [10, 48]). Известный исследователь ценностей О.Г. Дробницкий объясняет это следующим образом: «Ценности проистекают не от предметов и не от воспринимающего их человека. Ценности познаются человеком, а не приписываются предметам произвольно, но их нельзя постичь опытом или логическим рассуждением. Ценности как-то связаны с предметами, но не являются их реальными свойствами и не зависят от того, существуют ли эти предметы в действительности. В этом смысле они сами не реальны, а лишь идеальны... но и не относятся к явлениям сознания. Этот ряд взаимоисключающих положений обусловлен парадоксальностью самой природы оценки» [4, 305].

Самое широкое определение ценности дается в «Философском энциклопедическом словаре»: «...все многообразие человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» как объектов ценностного отношения, т. е. оцениваться в плане добра и зла, истины и не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т.д. Способы и критерии, на основании которых производятся сами процедуры оценивания соответствующи-

щих явлений, закрепляются в общественном сознании и культуре как «субъективные ценности» (установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений), выступая ориентирами в деятельности человека» [14, 732]. В качестве ценности может выступать как явление внешнего мира (предмет, вещество, событие, поступок), так и факт мысли (идея, образ). Ценностная ориентация является одной из важных характеристик человеческого способа освоения действительности, а ценности составляют основу человеческого мировоззрения. По отношению к субъекту (человеку) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям. Наряду с предметными ценностями в качестве ценностей выступают также некоторые явления общественного сознания, выражающие интересы субъекта в идеальной форме (понятия добра и зла, идеалы, моральные нормативы и принципы). Данные формы сознания не просто описывают какие-то действительные или воображаемые явления реальности, а выносят им оценку, одобряют или осуждают их, требуют их осуществления или устранения, то есть являются нормативными по своему характеру, их значимость определяется не свойствами предмета самих по себе, а их вовлеченностью в человеческую жизнь. О вовлечении данной категории в сферу жизни писала Н.Д. Арутюнова, которая полагала, что «понятие ценности... выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни» [1, 60].

В настоящее время в отечественной аксиологии ценность определяется как «значение объекта для субъекта». Это значение может быть как положительным, так и отрицательным, и поэтому ценность имеет биполярную структуру: каждой ценности соответствует антиценность. Ценности формируют ценностную картину мира, которая обусловлена особенностями культуры и связана с реконструкцией определенной ценностной подси-

стемы знаний человека и включает в себя как коллективные, так и индивидуальные ценности. Ценностные ориентации не являются чем-то раз и навсегда установленным, они подвергаются изменениям в соответствии с изменениями в культуре.

В психологии категорию ценности считают одной из самых сложных, поскольку «она является одновременно как мотивационным, так когнитивным образованием: ценности детерминируют процесс познания человеком социального мира и в то же время осуществляют психическую регуляцию поведения человека в социальной среде. Они задают важнейшие смыслы человеческой деятельности, и в этом качестве имеют как универсальную (психологическую), так и культурно-специфическую природу» [7, 26].

Понятие «ценность» в его психологической трактовке эквивалентно некоторому комплексу психологических явлений, которые, хотя и терминологически, обозначаются разными понятиями, но семантически однопорядковы: Н.Ф. Добрынин называет их «значимостью»; А.И. Божович «жизненной позицией»; А.Н. Леонтьев «значением» и «личностным смыслом»; В.Н. Мясищев «психологическими отношениями». В целом в психологии ценность определяется как устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования.

В социологии и культурологии предметом исследования являются в основном социальные ценности – содержательные предпочтения (образцы, идеалы, нормы), которых придерживаются те или иные люди, общности или общества. Система ценностей понимается как «составной элемент культуры, выступающий основой идеологии, ценностно-нормативного механизма социальной регуляции» [8, 167]. Фундаментом этой системы являются нравственные ценности. Как отмечают исследователи, базовыми ценностями русской культуры, передающимися из поколения в поколение, являются защита семьи, здоровье, настоящая дружба, верность, интеллект, смысл жизни, внутренняя гармония [6, 31].

Сходную трактовку ценностей предлагают некоторые лингвисты. Так, И.А. Стернин определяет ценности как «социальные, социально– психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Ценности – это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и «правильно», является образцом для подражания и воспитания» [12, 108].

В лингвистике анализ ценностных предпочтений открывает широкие возможности для исследования национального языкового сознания, построения модели языковой личности. Язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры. Более того, язык, непрерывно взаимодействуя с культурой и мышлением, формирует носителя языка как личность, принадлежащую к данному социокультурному сообществу, навязывая и развивая систему ценностей, мораль, поведение, отношение к людям [13].

Например, в работе А.В. Головановой на основе сопоставительного изучения русского и польского языков выявлены национальные особенности ценностных систем, отразившиеся в языковом материале. Исследователь отмечает принципиальную общность национальных ценностных систем, обусловленную, с одной стороны, общностью культурных стереотипов двух народов, а с другой – родством двух языков, но отмечает некоторые различия в ценностных интерпретациях таких концептов как *праздность*, *добродетель* и *глупость*. Так в польском языке не закреплена гедонистическая трактовка концепта *праздность*. И в русском, и в польском языках *праздность* определяется как абсолютная антиценность в этической и утилитарной системах ценностей. Но в русском языке с гедонистической точки зрения *праздность* – как естественное, приятное состояние человека – получает интерпретацию ценности, что подтверждается языковыми фактами (*Есть потешно, а работать докучно; Как ни мечи, а лучше на печи; Были б хлеб да одежда, так и ел бы лежа*). Интересные исследования славян-

ских и других языков с точки зрения выявления ценностных смыслов отличает работы Г.Д. Гачева, С.Г. Тер-Минасовой, Л.Г. Бабенко, Е.В. Бабаевой, Е.В. Ивановой и др. Например, в результате сравнительного исследования русского и английского языков, проведенного С.Г. Тер-Минасовой, были выделены определенные качества личности и социальные отношения, признанные в данных обществах как более или менее важные [13]. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что в английском языке с более высокой, чем в русском, активностью в фразообразовании преобладают следующие ценностные смыслы: честность, осторожность, трудолюбие, профессионализм, ответственность, сдержанность в речи, бережливость, эгоизм, свобода личности, консерватизм, материальное благополучие, закрытость семейной жизни. В содержательной области русской идиоматики заметно большее, чем в английской, пространство занимают следующие ценностные понятия: опытность, общительность, корпоративность, патриотизм, справедливость. Специфически присущей русской фразеологии ценностью оказывается гостеприимство. Анализ языкового материала свидетельствует о большой роли эмоциональной оценки у носителей русского языка, тенденции к так называемой переоценке, в отличие, например, от знаменитой английской недооценки, недосказанности (например, для русского языка характерно большое количество предикатов эмоциональной оценки, широкое употребление в пунктуации восклицательного знака, большое количество уменьшительных и ласкательных суффиксов, возможность выбора между *ты* и *вы*, наличие грамматической категории одушевленности-неодушевленности, категории рода, способствующих олицетворению окружающего мира и др.)

Сердечность, эмоциональность как черты русского национального характера, естественно, ведут к повышенной совестливости, или, по выражению И. Ильина, к совестливому порыву. Человеческие качества оцениваются с точки зрения критерия совести и объектом оценки внутреннего мира человека является душа – уникальное по значимости понятие русской культуры. С.Г. Тер-Минасова, сравнивая русское *душа* и английское *soul*, отме-

чает, что для русского народа, у которого в национальной системе ценностей на первом месте стоит духовность, душа – главное стержневое понятие, превалирующее над рассудком, умом, здравым смыслом. Англоязычный же мир, наоборот, поставил в основу своего существования Его Величество Здравый смысл, и поэтому *body (тело)* противопоставляется не *душе (soul)*, а рассудку *mind*. Человек, поведение которого противоречит нормам, принятым в данном обществе, по-русски называется *душевнобольной*, а по-английски *a mentally-ill person (умственно больной)*. Иными словами, когда у русских болеет *душа*, у представителей англоязычного мира болеет *mind*, и, конечно, сами эти слова формируют представления о жизни у их носителей, хотя последние этого не сознают и не замечают. Там, где у русских *камень сваливается с души*, у носителей английского языка *груз сваливается с ума: a load (weight) off one's mind*. Даже в родственных славянских языках и критерий, и объект оценки может быть совмещен в идее «сознание» (или «чувство»): так в чешском языке *сознательный человек* – «правильно понимающий» и т.д. Или, например, в русском языковом сознании отношение к нормам поведения выражается через концепты *совесть, правда, позор, справедливость*, в немецком – *Ordnung (порядок), Genauigkeit (точность, тщательность), Befehl (приказ), Recht (право, законность)*. В сфере морально-этических оценок для русского человека важна *правда*, одухотворенная человеческим чувством, личным отношением. Дополнительные свидетельства в пользу значимости указанной темы в русской культуре дают такие факты, как частотность слова *правда* по сравнению с английским *truth*, и то, что в русском лексиконе есть еще одно слово, обозначающее нечто вроде *truth*, а именно *истина* [13, 166].

Таким образом, знание национальных особенностей ценностного дискурса необходимо в условиях межкультурной коммуникации, поскольку позволяет преодолеть многие неразрешимые загадки вербального общения. Несомненно, этнолингвокультурологический аспект изучения языковых категорий в условиях современного активного взаимопроникновения культур приобретает особую актуальность и значимость и является в настоя-

щее время в языкознании одним из наиболее перспективных.

Целый ряд исследователей (А.А. Ивин, Л.А. Сергеева, В. Вичев и др.) рассматривают в тесной связи с понятием «ценность» категорию оценки, которую определяют как результат особого, ценностного отношения субъекта к объекту. Например, Л.А. Сергеева считает, что оценкой можно назвать лишь такое мнение о предмете, которое выражает характеристики последнего через соотнесение его с категорией ценности [11, 40]. Рассматривают оценку как фактор, структурирующий ядро языкового сознания и формирующий ценностную картину мира, Ю.Н. Караулов, Е.С. Яковлева, К. Касьянова, Н.В. Уфимцева и др.

Антропоцентрические устремления современной лингвистики заставляют признать, что изучение оценки действительно невозможно вне системы ценностей конкретной культуры, нации, исторической эпохи, – вне того контекста, который формирует человека (языковую личность) как субъекта и объекта оценки. Но понимание оценки только как мнения о ценности, на наш взгляд, сужает границы данной категории. Функция оценки заключается в соотнесении предмета и события с некоторой идеализированной моделью мира, в которой находят свое выражение и другие (не только ценностные), значимые для субъекта характеристики, например, значения возможности и неизбежности, достоверности и правдоподобности. На возможность рассмотрения оценки с точки зрения таких типов модальных отношений как сомнительность, вероятность, достоверность и подобных указывали Л.М. Васильев, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Н.А. Авганова. Таким образом, оценку следует определять не через ценностное, а через значимостное отношение, «оценка – это мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д. (одним словом, о значимости) для человека того, что обозначается оценочными предикатами» [3, 249]. Главное в оценочном суждении не отношение объекта к ценности как таковой, а выражение мнения о соответствии или несоответствии объекта оценки нормативному идеалу, эталону, образцу, в числе которых могут быть и ценности. Таким образом, если цен-

ность ориентирована на эталон, то оценка является результатом сравнения с эталоном.

Оценочные значения могут получать выражение на всех уровнях языковой системы. Об оценочной семантике говорят, начиная с аффиксов и заканчивая текстами. Но, в первую очередь, оценочные значения – это тип предикатных значений. В своей классификации оценочных предикатов мы, вслед за Л.М.Васильевым [3], выделяем следующие классы: 1) модально-оценочные выражают оценку с точки зрения значения возможности и необходимости, которые принято разделять на значения алетического, деонтического и эпистемического типа: *надо, необходимо, следует, нужный, должный* и т.п.; 2) общеоценочные – в структуре их значений отсутствуют дескриптивные смыслы: *хороший, плохой, прекрасный, скверный* и т.п.; 3) частнооценочные: а) утилитарные предикаты выражают рациональную оценку, связанную с практическими интересами и повседневным опытом человека: *полезный, благоприятный, вредный, невыгодный* и т.п.; б) этические предикаты выражают оценку, связанную с удовлетворением нравственного чувства, опирающегося на социально обусловленные представления о моральных нормах, о добре и зле: *добрый, человеческий, злой, жестокий, честный, скромный* и т.п.; в) эстетические предикаты выражают оценку, связанную с удовлетворением чувства прекрасного: *красивый, очаровательный, некрасивый, невзрачный* и т.п.; г) гедонистические предикаты выражают только такие впечатления, которые проистекают из ощущений, чувственного опыта: *приятный, неприятный, противный, вкусный* и т.п.

Несомненно, типология оценок может строиться на основании различных признаков. В качестве классификационных критериев могут быть выбраны такие признаки, как способ оценивания (абсолютные/сравнительные оценки), аксиологическая интерпретация (оценки со знаком «+» и со знаком «-»), объект оценки (оценки свойств предметов и оценки ситуации, положений дел, процессов, состояний и т.д.), основание оценки (рациональные и эмоциональные оценки) и т.д.

Частные оценки в конечном счете могут быть выведены на общий уровень и интерпретированы в терминах хорошего и плохого, но

не наоборот: ср. «*это плохо, потому что вредно/некрасиво/неприятно*», но логически некорректно сказать «*это вредно/некрасиво/неприятно, потому что плохо*». Следует заметить, что нет обязательной корреляции хорошего с полезным/приятным/должным, равно как плохого с вредным/неприятным/недолжным. Вполне возможно и такое положение дел, когда, например, нечто вредное будет оценено как хорошее в какой-то ситуации.

Количественное распределение оценочных предикатов по полюсам оценок зависит от выражаемого типа оценки. Например, среди общеоценочных значений предикатов положительной оценки на 20% больше, чем отрицательных. Этот сдвиг в русском языковом сознании в сторону положительного признака формируется уже в онтогенезе и, как показывают психолингвистические эксперименты, положительные оценки окружающего усваиваются русскими детьми раньше, чаще ими употребляются, что слова «*хороший друг*» легче запоминаются и вызывают большее число ассоциаций. Наоборот, в сфере этических оценок наблюдается явное преобладание отрицательных оценочных единиц, что тоже имеет ряд объяснений. Во-первых, наше представление о норме применительно к оценочной деятельности базируется не на абстрактном усредненном уровне нормативной шкалы, но связывается с положительной величиной: нормально быть добрым, честным и т.д., а отразить отступление от нормы и свое отношение к нему для говорящих всегда актуальнее. В языке, как и в обществе, действует закон «социального предостережения»: фиксируются отклонения от этической нормы, которые, как правило, и резко осуждаются. Соответствие этической норме не требует предостережения, поэтому нет специальных лексем, обозначающих, например, хорошее поведение. Их заменяют составные наименования с общеоценочными словами: *вести себя хорошо, правильно*. Во-вторых, различная функциональная значимость положительных и отрицательных оценок для человека отражает современную электризацию социума, накал человеческих страстей, реализующийся в некоторых процессах, происходящих в современном русском языке (расшатывание нормы, «криминализация» лексической сис-

темы и др.). Показательна и частеречная принадлежность отрицательных и положительных оценок: подавляющее большинство существительных в области негативной оценки и прилагательных – для выражения позитивного отношения говорящего. Имена существительные характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное суждение более категоричным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту, а не передаются через характеристику его дей-

ствий или свойств. Глагол, например, относит оценочную характеристику к определенному временному промежутку, прилагательное переносит акцент с лица на его свойства.

Таким образом, результаты собственно лингвистических исследований могут послужить хорошим фактическим материалом для культурологической интерпретации в контексте актуальных проблем отечественной аксиологии.

9.01.2011

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бучилло Н.Ф. Ценности. Философия. Часть 2. М.: «Юристъ», 1997. С.232-249.
3. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 524 с.
4. Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении: Дис. ...канд.филол.наук. Пермь, 2002. 200 с.
5. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. 350 с.
6. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970. 230 с.
7. Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. – 2001. – №3. – С.26-36.
8. Леонтьев Д.А. Ценностные ориентации // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С.409.
9. Ницше Ф. Так говорил заратустра. Сочинения: В 2 т. Т.2. М., 1990. С.5-238.
10. Покровский Н.Е. Основные элементы культуры // Основы социологии. М., 1993. С.161-180.
11. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
12. Стерин И.А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С.97-112.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
14. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.

Сведения об авторе: **Гибатова Гульнара Франгилевна**, доцент кафедры теории и методик начального образования, заместитель директора Института педагогики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат филологических наук, доцент 450000, г. Уфа, Октябрьской революции, За, тел. (347)2722326, gulja_gibatova@mail.ru

UDC 81.1

Gibatova G.F.

AXIOLOGY AT THE LANGUAGE

In article the value problem is discussed from a position of the different lines of thought existing in philosophy, psychology, sociology, cultural science and linguistics. The language status of categories of value and an evaluation is considered. Expression of valuable senses in language is investigated.

Keywords: an axiology, value, an evaluation, a predicate, language.

Bibliography

1. Arutyunova N.D. Language and the world of the person. M.: Languages of Russian culture, 1999. 896 p.
2. Buchillo N.F. Value. Philosophy. A part 2.M.:, 1997. P.232-249.
3. Basiljev L.M. Theoretical of a problem of the general linguistics, Slavic philology, Russian philology. Ufa, 2006. 524 p.
4. Golovanova A.V. Value and estimations in language reflection. Perm, 2002. 200 p.
5. Drobznitsky O.G. Mir of the revived subjects. A problem of value and Marxist philosophy. M., 1967.350 p.
6. Ivin A.A. Bas of logic of estimations. M., 1970. 230 p.
7. Lebedeva N.M. Valuable structure of the person in Russian culture// Psychological magazine. – 2001. – №3. – P.26-36.
8. Leontjev D.A. Valuable of orientation //The Person. The Filosoфско-encyclopedic dictionary. M., 2000. P.409.
9. Nietzsche F.Tak spoke zaratustra. M., 1990. P.5-238.
10. Pokrovskij N.E. Basic element of culture// Sociology Bases. M., 1993. P.161-180.
11. Sergeeva L.A. Problemy of estimated semantics. M.: Publishing house MGOU, 2003. 140 p.
12. Sternin I.A. Communicative behavior as a part of national culture// Ethnocultural specificity of language consciousness. M., 1996. P.97-112.
13. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communications. M., 2000. 624 p.
14. The philosophical encyclopedic dictionary. M., 1989. 840 p.